

ИГНАТИЙ ПОТАПЕНКО

СЕКРЕТАРЬ ЕГО
ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА

Игнатий Николаевич Потапенко

Секретарь его

превосходительства

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=622775

Аннотация

«— Ах, голубчик, Антон Петрович! Я всем управляю, всем заведую, все делаю, на то я секретарь его превосходительства!.. Я не делаю только одного того, что мне хочется делать и что могло бы доставить мне удовольствие.»

Содержание

I	4
II	21
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Игнатий Николаевич Потапенко Секретарь его превосходительства *Очерк*

I

— Так вот-с, видите ли, почтеннейший Владимир Сергеевич, — все эти разрозненные сведения, заключенные в бесчисленные обложки и запечатленные внушительными нумерами, надобно собрать, систематизировать, рассортировать и обработать. Я должен вам сказать, что, благодаря неусыпной энергии и замечательному искусству Антона Петровича, мы уже половину дела сделали. Самое трудное тут было — проложить путь, и этот путь проложен. Ах, вы не можете себе представить, до какой степени я был беспомощен до появления на моем горизонте Антона Петровича! А впрочем, говоря по совести и, конечно, *entre nous*¹, все это глубочайшая ерунда и до тошноты надоело мне...

---

¹ между нами(*фр.*).

Говоря это, мой патрон с необычайною нервностью вертелся на своем дубовом кресле, спинка которого была слишком низка, а перила слишком высоки. Было очевидно, что в кресле этом он чувствовал себя крайне неудобно. Его маленькие ножки висели, не доставая до полу, и напрасно искали опоры; локтям было слишком высоко опираться на перила. Я старался слушать его внимательно, но это мне мало удавалось. Это уже был пятый день, что я привыкал к нему, и никак не мог привыкнуть. Этот маленький человек, немного раздавшийся вширь, с небольшим брюшком, походившим скорее на опухоль, с лицом землистого цвета, с жиденькой белобрысой козлиной бородкой и ничтожными усиками, с умными блестящими быстрыми глазами, с большим лбом и с густыми волосами, падавшими на лоб, был для меня сфинксом. Когда он длинно и основательно говорил о "разработке материала", для которой, собственно, я был призван, мне всегда казалось, что он шутит или потешается над каким-то третьим, отсутствующим лицом. На этот раз, как и всегда, его серьезная речь сопровождалась саркастической улыбкой, а к оберткам "дел" он прикасался двумя пальцами с такой гадливостью, словно под этими обертками скрывались не "сведения о числе заседаний чертопульской городской думы в 187* году", а целое гнездо грязных насекомых.

Мы сидели с ним уже часа два. Я почти все время молчал, ограничиваясь только репликами. Зато он говорил без

конца. По крайней мере, двадцать раз он начинал говорить о "разработке материала", но сейчас же сбивался на жалобу, что ему это надоело, и хватался за голову, которую непрерывно мучила мигрень.

— Ах, с каким наслаждением я все это бросил бы, нет, не бросил бы, а швырнул бы и умчался куда-нибудь на лоно природы, на зеленую травку, где бродят овцы, коровы, лошади, свиньи и нет ни коллежских, ни статских, ни тайных советников... о!.. — И он действительно швырял в сторону несколько подвернувшихся ему оберток, соскакивал с своего высокого кресла и начинал бегать по комнате. Он подбегал к огромному шкафу и порывисто раскрывал настежь обе дверцы.

— Знаете ли вы, сколько здесь книг и что это за книги? Пятнадцать лет я самым тщательнейшим образом собираю эти сокровища, я люблю их — и можете себе представить, что за пятнадцать лет я не прочитал ни одной из этих книг! Как вам это нравится?

— Да-с, — продолжал он после молчания, — так мы остановились на мещанах города Псовска. Надо вам знать... — Он опять забирался в кресло и опять теребил какое-нибудь занумерованное дело. Но теребил он его совершенно напрасно, потому что больше двух минут ему не удавалось говорить о деле. Вот он уже рассказывал мне анекдот о каком-то сенаторе, который, по престарелости своей, не мог взобраться в зал заседаний, и его несли по лестнице секретари. И он от

души смеялся своему анекдоту, но вдруг прерывал смех и торопливо хватался за бумаги, извинялся и опять начинал историю о псовских мещанах.

Горничная принесла свечи и чай.

– Батюшки, как уже поздно! – спохватился мой хозяин, – а мы еще ровно ни до чего не договорились. Но, я думаю, вы уже понимаете, в чем дело!..

Я понимал это довольно смутно. Антон Петрович Куницын, тот самый, который "направил дело на путь" и вывел моего патрона из беспомощного состояния, сказал мне просто, что есть работа и что у этой работы есть два преимущества перед всеми другими: первое – она отлично оплачивается, второе – она ни к чему не приведет и, вероятно, никогда не кончится.

– Тут дело вот в чем, – пояснил мне еще Куницын, – в некотором году и в некотором месте некий сановник произвел ревизию и привез оттуда в Петербург три вагона материала. Вот эти-то три вагона и предназначены для того, чтобы прокормить вас более или менее продолжительное время.

Одним словом, рекомендуя меня, Куницын руководствовался не пригодностью моей особы для дела, а единственно желанием дать мне, своему приятелю, корм.

Знакомство мое с Николаем Алексеевичем Погонкиным, моим теперешним патроном, состоялось у Здыбаевских, у которых я бывал, правда, не часто, но все-таки это было странно, что я ни разу не встретил там Погонкина и даже ни-

чего не слышал о нем. Это показалось мне еще более странным, когда я узнал, что он давний и близкий знакомый Здыбаевских, что старик Федор Михайлович знал его чуть ли не с пеленок. Объяснилось это очень просто: Николай Алексеевич был до того завален работой, что выражение "дышать некогда", которое он любил употреблять, шло к нему почти буквально. Все, что он делал, было ему противно; для всего же того, что ему хотелось делать, у него не было времени.

В тот момент, когда Николай Алексеевич в двадцать первый раз взобрался в кресло с самым серьезным намерением объяснить мне наконец, в чем дело, в передней раздался звонок. Погонкин нервно подскочил на месте и затем откинулся на спинку кресла.

– Всегда так, всегда! Чуть займешься серьезно, какая-нибудь деловая рожа ввалится к тебе!..

Но через минуту он уже сиял и торопливо выбирался из-за стола навстречу гостю.

– Антон Петрович! Голубчик! Вас, именно вас нам надо! Без вас мы как без рук! – радостно восклицал он, делая вид, что раскрывает гостю объятия. Но дело ограничилось простым рукопожатием.

Антон Петрович вошел, остановился на пороге и прищурил глаза. Поздоровавшись с хозяином и со мной, он снял очки и стал вытирать их носовым платком. К необычайной приветливости Николая Алексеевича он отнесся довольно сдержанно и даже как будто надменно.

Он представлял полную противоположность Погонкину. Очень высокого роста, тонкий и прямой, в изящно сидевшей коричневой коротенькой жакетке, в светлом галстуке, в безукоризненно белом высоком воротничке, он производил впечатление человека, любящего пофрантить, но в то же время солидного, не допускающего в своем костюме ничего вульгарного. Лицо его, несколько поношенное, с большим лбом и красивыми глазами, носило следы регулярной работы парикмахера. Но опять-таки и в этой статье Куницын не допускал излишеств. Бородка неопределенного цвета была подстрижена *a la Henri IV*, небольшие усики были завиты щипцами, щеки выбриты. Негустые и недлинные волосы зачесывались вверх без определенного фасона. На приветствие Николая Алексеевича Куницын кисло улыбнулся и сказал басом, внушительно протягивая слова:

– Всегда готов служить вам, любезнейший Николай Алексеевич! Но, к сожалению...

– Что такое – к сожалению? Нет, уж пожалуйста, голубчик, без всякого сожаления! Готовы, говорите, служить – вот и прекрасно.

– К сожалению, я не могу теперь посвящать вам столько времени, сколько посвящал до сих пор. Даже, если вам угодно знать, я расположен совсем отказаться.

– Антон Петрович! Антон Петрович!..

И на лице Погонкина изобразился неподдельный ужас.

– Антон Петрович! – еще раз возгласил он, – за что же вы

хотите погубить меня? За что?

Николай Алексеевич произнес эту фразу с такой искренностью и при этом лицо его приняло такое жалобное выражение, что мне сделалось неловко. Но Куницына это нисколько не тронуло. Он продолжал тем же строгим басом, отчеканивая каждое слово:

— Да-с, поставлен в необходимость погубить вас, Николай Алексеевич. Вам известно, что я два месяца тому назад сделался кандидатом юридических наук. В настоящее время я имел честь вступить в сословие адвокатов и намерен серьезно заняться своей карьерой. Вы должны понять, Николай Алексеевич, что я имею право предпочесть живое дело адвокатуры бесплодному общению с господами псовскими мещанами.

Антон Петрович не говорил, а упражнялся в красноречии. Он и смотрел при этом, и жестикулировал таким образом, словно перед ним были не я с Погонкиным, а господа судьи и господа присяжные заседатели. Но для Николая Алексеевича он оказался не добрым защитником, а безжалостным прокурором. Мой патрон ходил по комнате, заложив руки за спину и поникнув головой.

— Да, все это так... Конечно, конечно! С какой стати вам жертвовать собой? Но согласитесь, что мое положение дурацкое. Ведь, говоря по совести, я ни бельмеса не смыслю в этом деле; я полагаю, против этого вы не станете возражать?

— Против этого я действительно не стану возражать!.. —

категорическим тоном отозвался Куницын.

– Ну-с, так как же мне быть? Вы, по крайней мере, не откажите мне в совете! Нельзя же так взять да и бросить человека в беспомощном состоянии на произвол судьбы!

– Что касается советов, то я готов дать вам их сколько угодно, ибо это – моя профессия! – шутя сказал Куницын. – Но я не понимаю, зачем вам так беспокоиться, когда у вас есть такой мастер на все руки, как Владимир Сергеич!..

Я до сих пор слушал этот диалог как любопытствующее третье лицо, но так как теперь речь зашла обо мне, то я подтянулся и приготовился вступить в разговор.

– Я глубоко уважаю Владимира Сергеича, – сказал Погонкин с изысканно-любезной улыбкой в мою сторону, – но, говоря по совести, мы оба вместе понимаем в этом деле меньше, чем ваш мизинец!

– Гм... Я давно знаю, что сенатские чиновники очень любезные люди! – заметил Антон Петрович. – Но если даже и признать справедливость вашего замечания, то дело все-таки не так безнадежно, как вы думаете. Надо помнить, что вы имеете дело с Владимиром Сергеичем, а нет такого дела, к которому Владимир Сергеич не приспособился бы самым блестящим образом. Если обстоятельства заставят его переплетать книги, могу вас уверить, что через три дня он будет превосходным переплетчиком. Если бы он был поставлен в необходимость во что бы то ни стало писать стихи, поверьте, что его хореи и дактили нисколько не уступали бы пушкин-

ским, Я даже думаю, что если бы ему сказали: вы должны играть в оркестре на тромбоне, то он, никогда не бравший в руки тромбона, стал бы играть на этом инструменте и дела не портил бы. Владимир Сергеич – это гений приспособляемости. Можете быть уверены, что ежели он возьмется за вашу пресловутую статистику, то через неделю заткнет за пояс и вас, и меня.

Решительно Куницын был рожден адвокатом. Что касается меня, то я должен был сделать какое-нибудь замечание, которое смягчило бы его рекламу. Отчасти он был прав. Я действительно обладал способностью приспособляться к самым разнообразным занятиям, очень скоро усваивая их сущность. Случалось мне и стихи писать, и книги переплетать (на трубе играть не пробовал), но все это было, разумеется, далеко от совершенства. Мало ли с чем ни приходится возиться человеку без определенных занятий, желающему во что бы то ни стало наслаждаться преимуществами Петербурга. Я сказал:

– Всему этому можно было бы поверить, если бы не было известно, что вы мой давний приятель!..

Но Николай Алексеич поверил. Он уже стоял передо мной и смотрел на меня умоляющим взглядом.

– Владимир Сергеич! Я надеюсь на вас, как на каменную гору! – трогательным голосом сказал он, взял мою руку и сильно потряс ее. Я ответил, что приложу все старания. Николай Алексеевич мгновенно успокоился и уже беззаботным

тоном рассказал какой-то путевой анекдот. Он ездил вместе с сановником на ревизию, и в голове его был неистощимый запас провинциальных курьезов, которые служили дополнением к трем вагонам материалов. Таким образом, я, еще не разобравший хорошенько, в чем дело, получил звание руководителя неизвестной мне разработки неведомого мне материала.

Николай Алексеевич разошелся и расчувствовался. Он трогательно говорил о наслаждении, какое испытывает в беседе с живыми людьми – что редко выпадало на его долю, – о том, что за час такой беседы он охотно отдал бы всю свою чиновную карьеру; спрашивал, что нового в журналах, и объяснялся в любви к литературе. Любовь эта была безнадежна, потому что у него хватало времени лишь на то, чтобы разрезать новую книжку журнала и прочитать оглавление.

Вошел плотный, коренастый человек в сером парусиновом костюме, с великолепными рыжими баками, с густыми волосами, подстриженными ежом, и с выпуклыми крупными серыми глазами. Николай Алексеевич бросился в его сторону и зверски наскочил на него.

– Что вам нужно? Оставьте меня в покое!.. Дайте мне хоть немножко подышать!..

Вошедший нимало не смутился и сказал весьма почтительным голосом, тыча ему под самый нос какие-то бумажки:

– Тут счета, Николай Алексеенч. Кровельщик уже три дня

ходит. Тараканщику за два месяца следует.

— Вот-с, всегда так! — обратился к нам с жалобой Погонкин. — Стоит мне только на минуту забыться, как этот господин прилезет со своими тараканщиками!... Это, господа, радости моей жизни... Ну-с, сколько тут?

Он вырвал счета из рук докладчика и швырнул их на стол, даже не заглянув в них.

— Кровельщику шестьдесят два рубля пятьдесят копеек, а тараканщику двенадцать рублей. — Погонкин подлетел к ящику стола, с грохотом выдвинул его, порылся, достал сто-рублевую бумажку и бросил ее рыжим бакенбардам.

— Только, пожалуйста, не забудьте принести сдачу, а то вы иногда забываете об этих пустяках...

— Мне странно слышать, Николай Алексеевич...

— Ладно. Чего ж вы торчите? Получили, ну, и убирайтесь!..

— Я еще хотел доложить, что дворник коломенского дома второй день пьянствует.

— Покорно вас благодарю. Кажется, это вы порекомендовали его?

— Прикажете прогнать его?

— Послушайте, Иван Иванович! Хотите доставить мне истинное удовольствие? Так прогоните, пожалуйста, не только этого пьяного дворника, а... ну, хоть и себя самого прогоните!..

Иван Иванович на это улыбнулся, как человек, привыкший к подобным выходкам своего начальника, и скромно вышел.

– Как? Разве вы и коломенским домом управляете? – спросил Куницын.

– Ах, голубчик, Антон Петрович! Я всем управляю, всем заведую, все делаю, на то я секретарь его превосходительства!.. Я не делаю только одного того, что мне хочется делать и что могло бы доставить мне удовольствие.

Это было сказано таким жалобным тоном, что Антон Петрович почел необходимым переменить разговор.

– Послушайте, Николай Алексеевич, вчера я был у Здыбаевских. Федор Михайлович обещал мне бутылку старого токайского вина, если я сегодня приведу вас к ним.

– Антон Петрович, вы знаете, что я блаженствую, когда бываю у этих прекрасных людей, но у меня целая куча дел. Целая куча, Антон Петрович!..

– Наплюйте на нее!..

– Да, легко сказать – наплюйте! Во вторник его превосходительство будет докладывать дело по ходатайству города Бруева о разрешении установить налог на каждую пару сапог, носимых обывателями. Я должен написать доклад. В среду его превосходительство читает в одном ученом обществе реферат о том, как "в старину живали деды веселей своих внучат";² я должен составить этот реферат по источникам. Засим-с, я должен на этой неделе представить его превосходительству отчет по управлению его тремя домами, из коих

---

² Цитата из либретто М. Н. Загоскина к опере А. Н. Верстовского «Аскольдова могила» (1835).

один ремонтируется. Далее-с, я обязан рассмотреть переписку по покупке его превосходительством имения в Черниговской губернии – и отписаться; затем-с...

– И наконец, – перебил его Антон Петрович, – вы должны зажарить самого себя и собственноручно подать себя на обеденный стол его превосходительства, который скушает вас с особенным удовольствием!..

– Вот именно, именно!.. Вы это удивительно метко определили, Антон Петрович, удивительно метко!..

– Но, однако же, позвольте узнать, на кой вам все это черт?

– Я никогда не задавался этим вопросом!..

– Ах, Николай Алексеевич, наберитесь-ка храбрости, наплюйте сегодня на все эти доклады, отчеты и рефераты, оденьтесь, и поедemте к Здыбаевским!

Николай Алексеевич ходил по комнате мелкими и частыми шажками, очевидно, сильно взволнованный. Вдруг он подошел к стене у кровати и решительным движением крепко надавил пуговицу воздушного звонка. Через две секунды прибежала горничная.

– Одеваться мне и никого не принимать. Меня нет дома!.. – отрывисто приказал он. – Ну-с, Антон Петрович, я плюю, к вашему удовольствию. Надо, в самом деле, хоть чуточку пожить для себя. Ведь я же имею на это право!

– То-то и есть. Одобряю! – заметил Куницын.

Принесли черную пару. Николай Алексеевич с лихорадочною поспешностью снимал с себя домашний костюм и

облачался в парадный, предварительно извинившись перед нами. Вот он уже натянул сюртук и ищет гребенку, чтобы причесаться.

– Я готов, господа, я сию минуту. Спасибо вам, Антон Петрович, за хорошую мысль... В самом деле, надо освежиться, проветриться. Ведь этак и вправду закиснешь, заплесневеешь, оступеешь вконец. Эка важность – доклады, рефераты! Подождут ведь! Правда, Антон Петрович?

– Совершенная истина, Николай Алексеевич! – поощрительно сказал Куницын.

– Да и что, в самом деле?! Что за генеральство, черт возьми! – уже окончательно расходился наш хозяин. – Положим, я его секретарь и домоправитель, я получаю за это жалованье и квартиру, а также облегчение в прохождении чиновных ступеней. Отлично! Но я никогда не слышал, чтобы секретари писали ученые рефераты. Вы слышали когда-нибудь, Антон Петрович? А вы, Владимир Сергеич, слышали? Это значит быть ученым за своего патрона! Понимаете, я буду рыться по источникам, а он с великой серьезностью прочитает о том, как "в старину живали деды веселей своих внучат", и ему будут аплодировать!.. Нет, я завтра же объявлю ему, что желаю точно придерживаться своих титулов: секретарь и домоправитель, и только. И никаких рефератов!.. Ну-с, господа, я готов и к вашим услугам!..

Он был чрезвычайно оживлен и подвижен, а черный сюртук, который был хорошо сшит и отлично сидел на нем, при-

давал ему некоторую торжественность. После того как за десять минут перед этим я видел его брызгой – в широком костюме, в накрахмаленной сорочке, в мягких туфлях, он производил теперь приятное впечатление человека, после долгих колебаний на что-то решившегося. Это сознание радовало и воодушевляло и его самого, придавало здоровый румянец его щекам и блеск его глазам.

Он взял в руки шляпу; мы поднялись с своих мест.

– Знаете, я просто люблюсь вами, Николай Алексеевич! – сказал ему Куницын. – Вы совсем другой человек!

– Да ведь это и есть моя природа!.. Таков я всегда был во время оно. Едемте, господа, едемте!..

Мы все трое направились к дверям. Но едва мы сделали по три шага, как раздался пронзительный звон. Кто-то требовал Николая Алексеевича к телефону.

– Черт возьми! что им надо от меня? – раздраженно воскликнул Погонкин и подбежал к телефону. – Кто звонит? – сердито крикнул он и приложил трубочку к уху. Ему что-то ответили.

– Да, это я. А вы... вы... Ах, это вы, ваше превосходительство?! Мое почтение!..

Тон его мгновенно переменился и сделался мягким и почтительным. Он приветливо улыбнулся, раза два кивнул головой, как бы кланяясь невидимому его превосходительству, и даже шаркнул ножкой. Антон Петрович подмигнул мне в его сторону: наблюдай, мол!

Николай Алексеевич опять послушал в трубочку.

– Да, да, я уже приступил к работе, ваше превосходительство, я изучаю источники!

Опять внимательное молчание.

– Завтра в семь часов вечера?

Молчание.

– Боюсь, что не успею, ваше превосходительство!

Продолжительное молчание, прерываемое отрывистыми и невнятными: "да, да!", "очень хорошо!", "разумеется!".

– Если вы настаиваете, то я, конечно, приложу все старания, буду работать всю ночь и на службу не поеду!.. Спокойной ночи, ваше превосходительство! – За этим последовал поклон и короткий звонок.

– Ну-с, вы кончили, Николай Алексеевич? Так едем! – оказал Куницын.

Николай Алексеевич молча два раза прошелся по комнате, потом остановился.

– Нет, господа, извините! Я не могу ехать. Я сейчас должен засесть за реферат. Он завтра хочет выслушать его и сделать свои замечания.

Все его оживление, вся энергия, выражавшаяся в его глазах, исчезли бесследно. Лицо сделалось желтым и дряблым. Не стало живого, умного, симпатичного человека; опять перед нами был секретарь его превосходительства.

– Не могу, господа, не могу! Извините! – еще раз повторил он. – Передайте, пожалуйста, мой сердечный привет добрей-

шему Федору Михайловичу, Елизавете Федоровне и Сереженьке!..

Мы молча пожали ему руку и вышли.

II

Ровно неделю я употребил на то, чтобы «овладеть предметом». На восьмой день я уже сидел в так называемой «канцелярии», с видом человека, съевшего собаку в статистике (так как это называлось у нас статистикой), и самым авторитетным тоном делал указания и вносил поправки в систему, выработанную Антоном Петровичем.

Может быть, с моей стороны это было немалым нахальством. Признаюсь, что никогда в жизни я не занимался статистикой. Я наскоро подчитал кое-что подходящее, по указанию Антона Петровича, бегло окинул взором шкапы с трехвагонным материалом, и в голове моей составилось нечто цельное, определенное и до невероятия смелое. Когда я изложил Николаю Алексеевичу "свою" систему, он остолбенел от изумления.

– Действительно, вы гений приспособляемости! – воскликнул он, выскочив из-за стола, за которым он сидел в своем неизменном дубовом кресле. – Знаете что? Я совершенно передаю вам это дело, совершенно. Делайте что хотите, требуйте что нужно! Я только исполнитель ваших предначертаний и плательщик!

Такое необычайное доверие доказывало, что Погонкин был дилетант еще более глубокий, чем я, хотя это и трудно было представить. В моей системе его подкупила стройность

и законченность, и он вообразил, что я в самом деле основательно изучил его три вагона и в то же время вооружился солидными знаниями по теории статистики. Ничего этого, разумеется, не могло быть. Все дело заключалось в особой способности моего ума — никогда ни в чем не терпеть пробелов. Когда я чего-нибудь не знаю, я замещаю пустое место чем-нибудь подходящим из того, что я знаю; когда я, благодаря недостаточной подготовке, чего-нибудь не понимаю, я его просто выбрасываю. Но в конце концов я так ловко и искусно сведу концы с концами, что получается нечто правдоподобное.

Я сделался полным хозяином "канцелярии". Это была очень длинная комната, все стены которой были превращены в шкапы, а полки этих шкапов были завалены "материалом" в виде бесконечного множества "дел", "сведений", "записок", "ведомостей" и т. п. Во всю длину комнаты посредине ее тянулся стол, покрытый зеленой клеенкой; на столе лежали в несметном количестве письменные принадлежности: чернильницы, ручки, перья, карандаши, кипы бумаги, линейки, даже циркуля. Все это указывало на то, что моя скромная и тихая работа служит только преддверием к чему-то грандиозному, долженствующему поглотить всю эту массу "принадлежностей".

И действительно, когда я раскрывал шкапы, из которых на меня внушительно смотрели необъятные горы бумажного материала, я чувствовал себя мизерным со всей своей строй-

ной и законченной системой. Роясь одиноко в этой громаде, я походил на муху, мечтающую съесть сахарную голову.

"Канцелярия" сделалась моим храмом, а я – ее единственным посвященным жрецом. По крайней мере, вход в нее был доступен далеко не всякому смертному. Сам Николай Алексеевич, прежде чем войти в нее, стучался в дверь и спрашивал позволения. Феня, носившая нам чай, чуть слышно отворяла дверь и входила на цыпочках. Единственный человек, пользовавшийся правом свободного входа сюда, это Иван Иванович. Мало этого, он даже был хранителем ключей как от самой канцелярии, так от шкапов и от ящиков стола.

С Иваном Ивановичем я познакомился при довольно торжественной обстановке. Это было еще в период созревания моей системы, когда я ходил по канцелярии и с недоумением посматривал на грандиозные шкафы, решительно не зная, что я буду делать с их содержимым. В одну из минут моей глубокой задумчивости вошел Николай Алексеевич, а вслед за ним почтительно и сдержанно вступил Иван Иванович.

– Вот-с, Владимир Сергеевич, позвольте вам представить этого человека! – сказал Николай Алексеевич. – Это Иван Иванович, который все знает и все может. Ему достоверно известно, где, в какой именно щелочке лежит такая-то ведомость; его голова – справочный ящик по этой части и по всякой другой части! Он весь к вашим услугам!

Я пожал увесистую и потную руку Ивана Ивановича, фамилию которого, вероятно, считали несущественной для дела

и поэтому совсем не назвали ее. Он для первого знакомства не сказал ни слова, держался вообще мешковато и стесненно и скоро исчез. Сейчас же по уходе его Николай Алексеевич прибавил мне конфиденциально:

– С ним надо вести себя осторожно. Жулик первой руки!

Хотя эта вторая рекомендация явно противоречила первой, но я не возбуждал об этом вопроса.

Через четверть часа Иван Иванович вернулся. Он был в своеобразном костюме: в синей рубашке навыпуск, подпоясанной ремнем, а поверх покрытой серым пиджаком.

– Может быть, желаете ознакомиться, где что лежит? – почтительно спросил он меня. Я пожелал. Он вынул из кармана связку ключей и отпер поочередно все шкапы.

– Вот здесь покоятся мещане! – сказал он без всякой иронии. – Его превосходительство очень много привезли мещанского материалу, потому в этих паршивых городах почти никого и нет, кроме мещан. Вот тут – касательно городских дум. Здесь – насчет сиротских судов. Большею частью я собственноручно принимал все дела и в реестр вносил; потому и знаю хорошо.

– Как? Разве и вы ездили на ревизию?

– А как же? При его превосходительстве состояли – Николай Алексеевич и я... Но, собственно, большею частью я-то и производил ревизию. Зайдешь, бывало, в какую-нибудь ремесленную управу в городе Неплюйске, и сейчас? покажите то, покажите другое. Так тебе все и вываливают. Я

вам скажу: ежели б кто захотел, заработать мог бы на всю жизнь! Мне, например, дают дела сиротского суда (его превосходительство приказали всюду снимать для нас копии со всех дел). Вижу я – озаглавлено: "Об опеке над имуществом такой-то умалишенной". Уж можете быть покойны, что тут дело нечисто. Сейчас вы: пожалуйста подлинное для сверки. Вот тут-то и есть самый момент. Подлинное-то на копию даже вовсе не похоже... На этом можно было сильно заработать...

Я не решился по первому знакомству спросить, заработал ли он на этом. Но надо думать, что это было так, потому что очень уж он уверенно говорил об этом. Не успели мы с ним хорошенько разговориться, как зычный звонок, проведенный сюда из кабинета Николая Алексеевича, отнял у меня собеседника. Иван Иванович сделал ужасную гримасу и закрыл уши.

– Можете себе представить, что я каждые пять минут слышу этот звонок, и не только наяву, а даже во сне! – с досадой промолвил Иван Иванович и помчался в кабинет.

Действительно, звонки Николая Алексеевича преследовали его на каждом шагу. Они как бы следили за ним, шпионили и ловили его. Звонки из кабинета Погонкина были проведены всюду, как во все комнаты его собственной квартиры, так и в квартиру Ивана Ивановича. Через две минуты Иван Иванович вернулся.

– Извольте видеть, он никак не мог припомнить, какого

числа нанят дворник Яков, так я должен был бежать к нему и докладывать... – объяснил мне Иван Иванович, – Поверите ли, от этих звонков мне житья нет. Вот это он сидит, корпит над бумагой, вдруг ему придет в голову: сколько я заплатил извозчику, который вчера привез его со службы? Сейчас подбегает к стене, а в стене у него, может вы заметили, целая дюжина кнопок. Придавит одну – нет, другую – нет, третью, четвертую, хоть все двенадцать: которая-нибудь таки меня где-нибудь отыщет. Знаете, иной раз он до того запишется в каком-нибудь докладе, что уже сам не знает, что говорит. Один раз он этак позвал меня звонком – я прибег. Вижу, стоит посреди комнаты и лоб трет. "Что прикажете, Николай Алексеевич?" – "Ах, говорит, Иван Иванович, не помните ли вы, что я такое сейчас думал? Что-то очень важное, а припомнить не могу!" Можете себе представить?! Я посмотрел на него и думаю: надо что-нибудь сказать; и говорю: "Вм, говорю, Николай Алексеевич, ни о чем не думали, это вам показалось". Ну, рассмеялись оба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.